

18+

ПЕСНЬ ВАЛЬКИРИЙ

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК СУДЬБУ
ПИШУТ КРОВЬЮ И ВЕРОЙ

ВЛАД НИКОЛАЕВ

Влад Николаев

**Песнь валькирий.
Сага о Гарда-Кеттиле**

«Издательские решения»

Николаев В.

Песнь валькирий. Сага о Гарда-Кеттиле / В. Николаев —
«Издательские решения»,

Хвала Господу! Старый князь мертв. Эти слова пишет старый монах. Он — Кеттиль, сын норвежского ярла и рабыни из Гардарики. Прошел обряд посвящения, познал горечь предательства и цену свободы. Месть врага сожгла его дом. Слепая провидица Свана стала его судьбой и проклятием. Он служил князю Ярославу в кровавой распре между Киевом и Новгородом. И в ночи над холмом слышал песнь валькирий. Это история о выборе, который определяет всё.

© Николаев В.

© Издательские решения

Содержание

ПЕСНЬ ВАЛЬКИРИЙ	6
Часть 1. Тиборн	7
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Песнь валькирий Сага о Гарда-Кеттиле

Влад Николаев

© Влад Николаев, 2026

ISBN 978-5-0070-7239-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕСНЬ ВАЛЬКИРИЙ

Часть 1. Тиборн

Глава 1

Хвала Господу!

Добрые вести пришли издалека в это холодное, зимнее утро! Дрова, пылающие в очаге, давали свет да радовали глаз. Но по-настоящему согревали мое старческое тело лишь вести. От них кровь, словно в юности, быстрее бежала по жилам, а ноги, едва державшие еще накануне, готовы были пуститься в пляс!

Старый князь мертв!

Князь, что был мне наставником и другом, «старшим братом» и покровителем. Князь, что обернулся впоследствии смертельным врагом, жаждавшим моей гибели пуще, чем власти.

Охваченное огнем полено переломилось, взрыв сноп искр и облаком дыма. Я доковылял до окна, приоткрыл створку, впусив морозный воздух. Сегодня он был мне приятен. Ласково щекотал сухую кожу, выжимал из глаз слезы. Да, я плакал, чего не случалось уже много зим. Одна за другой слезы бежали по сморщенным щекам, и влажные следы тут же студенели на колючем ветру. И пусть! Господь с ним, с холодом, с ветром! Я вновь чувствовал себя молодым, а, значит, мне ли, человеку, урожденному на Севере, бояться стужи?!

Да, почти семь десятков лет назад я явился на свет в далекой северной стране Нореге, на островах, отовсюду омываемых ледяной водой. Видно, Богу было угодно, чтобы там провел лишь детство да отрочество. Мне довелось побывать во многих местах, увидеть моря и дивные земли. И даже умереть придется вдали от милой сердцу деревни. Что поделать? То утро, когда моя нога впервые ступила на корабль, стало последним утром, встреченным на родине, а взгляд на исчезающий в предрассветной дымке берег — прощальным. Тогда я и помыслить об этом не мог. Но пути Господни неисповедимы!

Со двора донесся крик. Крестьянин грязно ругал запрягившуюся лошадь. Телега прочно засела в снегу, и бедное животное, исчерпав попытки вытянуть ее, взмолилось о передышке. Заодно выслушивая поток оскорблений.

Я невольно усмехнулся. Ругань — она на всех языках ругань, и за свою долгую жизнь мне довелось оскорблять собеседника на нескольких. Спohватившись, впопыхах перекрестился, захлопнул створку окна и побрел к массивному дубовому столу.

Если говорить я был обучен на нескольких языках, то писать и читать — только на одном. Вот уж не знаю — благодать ли это или кара небесная? Теперь мне вменено переписывать старые, полуистлевшие книги монастыря. Делаю это ежедневно, пока глаза видят, а руки — держат перо. А заодно пишу историю своей жизни. Пишу тайно, дабы не дошло это до хозяина моего, короля Казимира. Еще бы! Проведай он мою правду, одним могущественным врагом у меня прибавится. А, несмотря на семь десятков лет, умирать ох как не хочется! Потому, получив утром вести, я и вздохнул свободней! По крайней мере, с той, дальней стороны гибель не грозит.

Хвала Господу! Старый князь мертв!

Дней, отпущенных на мой век, осталось не так много, и надобно употребить их со всей пользой.

Подышав на озябшие руки, я взял гусяное перо. Огонь потрескивал в очаге, крестьянин, не умолкая, осыпал проклятиями лошадь. У меня же — своя задача. С ясной головой и легким сердцем склонился над пергаментом.

Я все расскажу, изолю всю правду. Рано или поздно кипы листов отыщут, и о ней узнают. Не иначе, для этого князь, мой «старший брат» и злейший враг, и обучил меня грамоте. Чтобы я мог поведать историю. О себе. О нем. О стране.

О стране, не чужой мне, но так и не ставшей родной. О стране, насквозь пропитанной кровью, предательством и лицемерием.

О Гардарике.

* * *

Моя мать была рабыней.

В Хрингарики — месте, где я родился, — к ней относились с почтением. Может, недолюбливали, но уважали точно. И, все-таки, она была рабыней.

Ярл Сигурд, отец мой, добыл ее в дальнем походе на Гардарику. Девушка с волосами темными, как ночь, и глазами цвета морской волны приглянулась тогда многим. Сам Хринг, сын конунга Дага, не прочь был ею завладеть. Что уж говорить о ярлах и воинах, готовых променять меха и серебро на пленницу?! Но Млада — так звали мать — была добычей ярла Сигурда, и принадлежала ему по праву.

Все, что ни творится в этом мире, творится по воле Господа!

И в тот день, когда конунг Даг разрешил спор о том, кому достанется рабыня, моя судьба была предопределена. Все, что со мной случилось после, корнями уходит в то давнее решение.

Отец уверял, что никакой не Христос — Белый Бог, — вершит судьбы людей. Урд, Верданди, Скульд — три норны у древа Иггдрасиль, — и только они! — ведают, что нам уготовано.

Уж не ведаю, кто прав. Отец, верящий в старых богов, или священники, годами вбивающие любовь к Христу в мою неразумную голову. Белый Бог или норны-волшебницы — хозяева судеб? Не так уж это и важно! Главное, что со словом конунга моя участь была решена.

И первой прихотью богов стала ссора отца с ярлом Халльвардом.

Они были побратимами. Не разлучались с юных лет, а повзрослев, вместе ходили в походы. И в тот набег на Хольмгард, когда пленили мою мать, тоже шли плечом к плечу.

Гардарика — богатая страна, а Хольмгард в достатке уступает, разве что, только Кэну-гарду. Разорив этот город, можно позабыть о бедности на несколько зим. Если удастся выжить. Русичи сильны, отчаянны и никогда не уклоняются от боя! А когда меч и огонь угрожают их крову, становятся вдвойне опасней.

Ярл Халльвард позабыл об этом и попал под горячую руку какого-то русича. Страшный удар кистенем по голове заставил воина пролежать в беспамятстве все то время, пока разорялись земли под Хольмгардом. Отец добыл в том походе славу, много мехов, серебра и красивую рабыню. А ярл Халльвард разжился только уродливым шрамом, глубокими бороздами, вспахавшим одну сторону его лица.

— Не иначе, Фенрир освободился от цепей Глейпнир? — поминая чудовищного волка, сына Локи, хватались в притворном ужасе за обереги воины, стоило им увидеть обезображенное лицо Халльварда.

— Демон вселился в ярла, — крестились христиане, шепча молитвы.

Подобные разговоры вкупе с неудачей последнего похода озлобили ярла Халльварда. Он стал сторониться отца, предпочитая проводить время в одиночестве. Красота же рабыни вконец отдалила побратимов, и Халльвард, пожалуй, яростнее прочих старался выкупить девушку, суля деньги конунгу в надежде, что тот ответит благодарностью и велит отдать Младу именно ему.

Но старый Даг был непреклонен. Толстый палец конунга указал на ярла Сигурда, и Халльвард, как и многие другие, остался ни с чем. Между побратимами был вбит клин, навсегда их разлучивший.

Халльвард решил уйти, покинуть Хрингарики. Отец, надеясь больше не видеть его, вздохнул с облегчением — взгляды, что кидал обезображенный ярл на пленницу, вызывали его недовольство и злобу. Но не попрощаться с побратимом отец все же не мог.

Он поднялся на палубу кнорра, когда люди ярла Халльварда готовили судно к отплытию и спускали широкий прямоугольный парус из домотканого сукна. Заглянув в трюм, отец увидел тюки с товарами да мешки, набитые сушеной рыбой и хлебом. Еды было немного — путь, видно, предстоял не такой уж и дальний?

— Мы выходим в море, ярл Сигурд! — Халльвард, заметив гостя, приблизился. Вместо приветствия плюнул за борт и пренебрежительно заметил: — Корабль полон, лишние люди мне ни к чему. Если надеялся плыть со мной — напрасно!

Отец не ожидал таких слов. В глубине души теплилась надежда, что побратим хоть перед расставанием вновь станет прежним другом, верным товарищем. Но, увы, Халльвард переменился. Поход в Гардарику изменил его. И, видимо, навсегда.

— Я не собираюсь плыть с тобой.

— Тогда что делает достославный ярл Сигурд на моем углу судне? — лицо Халльварда, и без того ужасное, исказила кривая ухмылка.

— Я пришел пожелать тебе доброго пути, — отец пытался не замечать язвительных слов.

— Дары Ньёрду я уже принес. Море будет спокойным, ветер — попутным. Ты зря пришел, ярл Сигурд!

Отец заглянул в глаза Халльварду. Он не верил, что тот говорил искренне, но взгляд побратима был таким же холодным, как и его слова.

— Мы выходим в море, — повторил Халльвард. — Если не хочешь возвращаться на берег вплавь, уходи.

Парус был спущен, рулевой замер у кормового весла. Люди Халльварда нетерпеливо поглядывали на гостя, явно готовые помочь ему покинуть кнорр. Лучше было сделать это самому, что отец прекрасно понял.

— Увидимся, Халльвард, — молвил он, надеясь об обратном. — Через год, два, но мы увидимся. Быть может, при следующей встрече твои слова будут иными.

— Да, ярл Сигурд, я вернусь, — отозвался Халльвард, и рука его, будто невзначай, опустилась на рукоять меча. Намек более чем ясный. — Обязательно вернусь! Тогда и поглядим, как я заговорю.

Что оставалось отцу? Призвать в помощь Вали да разрубить обидчика надвое, или стерпеть обиду, как учит Белый Бог? Воин, он всегда высмеивал жалкие учения христиан, их непрерывные слезы и беспрестанные поклоны, но в тот момент, почему-то, поступил именно так, как велят плачущие священники — отступил, сошел на берег, а кнорр, ловко лавируя между лодок, устремился вниз по течению Рёумы.

Молчание — золото! Старики уверяют, что так и есть. И мудрость эта — единственное, в чем последователи Христа согласны с язычниками. Но кто знает, не промолчи в тот день отец, ответь силой на грубое слово, и как бы повернулась моя жизнь?

Жизнь, зародившаяся вскоре после отплытия Халльварда. Об этом, как и о той ссоре, впоследствии рассказывала мне мать. И клянусь, в ее словах я, тогда еще ребенок, слышал гордость, а в глазах видел любовь. Еще бы! Отец — ярл, воин, — пришел после ссоры с побратимом не к жене, а к ней, к рабыне.

Исрид — супруга отца, смирилась с присутствием красивой наложницы. Она подарила ярлу двух замечательных детей — сына Аскеля и дочь Гудрид, — его законных наследников. А рабыня — не повод для тревоги! И даже мое появление на свет не могло поколебать уверенности этой женщины в том, что Млада — лишь забава для ее мужа. И Исрид никогда не отказывала себе в удовольствии напомнить об этом матери, которой оставалось лишь выслушивать оскорбления да изредка огрызаться.

Отец не вмешивался в препирательства женщин. Не мужское дело — в бабью ругань влезать. Он не одергивал жену, когда та наиболее рьяно набрасывалась на рабыню. Не унимал Младу, когда буйная кровь русичей вскипала в ней, и она дерзала осадить хозяйку. Он рассудил, что женщины разберутся сами. А ему предстояло решить другую, более приятную, задачу. И все чаще ложе по ночам славному воину согревала именно моя мать.

Исрид кипела, вымещала, как могла, злобу на сопернице. А та, отогретая вниманием ярла, стала пропускать гневные речи мимо ушей, а по деревне и вовсе вышагивала с высоко поднятой головой.

Что прощалось женщине ярла, не спускалось ее отпрыску. Сколько себя помню, я всегда был предметом насмешек, издевательств и побоев. Дети жестоки по своей сути, и чужие недостатки легко принимают за свои достоинства. Презрительное «раб» не смолкало у меня за спиной, вслед нередко летел камень. Особую радость это доставляло моему брату, Аскелю. Он первым кричал оскорбления, первым — швырял в спину голыш. А когда забавы ради к нему пристала толпа детворы, осмелился поднять на меня руку. Синяки не сходили с лица долгими днями, боль в боках стала привычной. Но я терпел.

Терпел, потому что вечерами мать вытирала мои слезы своей огрубевшей от работы, но такой нежной рукой. Гладила по голове, нашептывала, что все это скоро пройдет, и я стану уважаемым человеком и могучим воином. И перед сном непременно пела песню на родном языке о далекой стране, где родилась и куда мечтала вернуться. А я слушал, запоминал странные, незнакомые слова, пока не засыпал у нее на груди, вдыхая запахи козьего молока и луговых трав, что исходили от ее одежды.

Терпел, потому что отец, едва я появился на свет, вложил в мои неокрепшие ручонки меч. Он рассчитывал, что сын его вырастет свободным человеком, и никогда не будет гнуть спину перед хозяином. Станет воином, а не рабом. И пусть время для этого еще не пришло, воин, по моему разумению, не должен проявлять слабость, показывать противнику слез.

Поэтому я терпел, а отец взирал на издеательства равнодушно, предоставив мне самому разбираться со всеми трудностями. Я долго молчал, стойко переносил побои, но однажды не сдержался.

Это случилось, когда мне не было и десяти зим. Тот день выдался на редкость знойным, и мать освободила меня от дел по дому.

— Налови рыбы, Кеттиль, — предложила она, и просить дважды не пришлось. Быстро наловив мух для наживки и взяв удочку, побежал к реке.

На берегу мною давно уже было облюбовано одно место. Узкая полоска земли вдавалась далеко в русло Рёумы, словно норовя разрезать ее надвое. У самой кромки воды склоняла ветви одинокая ива. Здесь всегда царила тишина. Лишь ветер лениво шевелил длинные плети дерева, да река убаюкивала журчанием.

Так же отсюда хорошо был виден остров, на который мне всегда нравилось смотреть. Он лежал совсем рядом — рукой подать! — но я никогда не отваживался подплыть к нему. Всеми сказками, которыми пугали детвору по вечерам. Если верить им, турсы — злые великаны, — обитали на куске земли, сиротливо приютившимся среди потока. Несмотря на их присутствие, христиане возвели в угрюмых скалах монастырь. Последователи Белого Бога считали это место святым. Ходили слухи, что однажды ягненок какого-то безумного монаха-отшельника запутался в колючих кустах терновника. Первое христиане считали символом прихода Христа в наш мир, второе — его смерти. Этого им хватило, чтобы объявить остров священным и частенько навещать несчастный куст, отбивая ему поклоны. Глупцы, что с них взять?! Я же подолгу мог не спускать глаз с участка суши, в надежде разглядеть страшного турса. Великан не показывался, мелькали лишь бритые головы монахов. Но чуда можно ждать годами, а упорство мать всегда считала моей отличительной чертой.

Столь важным делом я был занят и в тот день — вглядывался в невысокие скалы, поросшие зеленью. Дюжина рыбешек жадно хватала ртами воздух, молотила хвостами по траве у моих ног. Просьба матери исполнена, и ничто не мешало предаться любимому занятию.

— Кеттиль, скотина! — резкий окрик заставил вздрогнуть. — Опять бездельничаешь?

Я обернулся. От хорошего настроения не осталось и следа — скрестив руки на груди, на меня сверху вниз смотрел Аскель. Длинный, худой, как оглобля, он был значительно выше сверстников. Из-за узкой спины украдкой выглядывал тучный Торд, лучший друг Аскеля. Как могли поладить эти двое, брат-тростинка и жирный сын воина Кольбенса — ума не приложу! Но они были не разлей вода. Сильный не по годам Торд дополнял хитрого, изворотливого Аскеля, и эта парочка терзала меня с завидным постоянством.

— Тебе нечем больше заняться, как мочить ноги в воде?

— Мать велела принести рыбы, — не отрывая глаз от острова, ответил я.

— Велела мать?! — последнее слово он повторил с неприкрытым презрением. — Ты должен был у меня спросить позволения уйти, а не у этой шлюхи, тиборн! — и пнул ногой одну из рыбин.

Гнев вскипел во мне мгновенно. Причиной тому не выброшенный в воду улов, и не грязное «тиборн», означающее «сын рабыни». Аскель оскорбил мою мать, и я не сдержался.

Кулак врезался брату в челюсть, опрокинул его на землю. Я тут же навалился сверху, одной рукой вцепился в рыжий вихор, второй — продолжал мутузить костлявое тело.

— Я убью тебя, мразь!

— Отпусти, ублюдок! — брат заверещал, как резаная свинья. — Отстань!

Поделать он ничего не мог, хоть и был старше на пару лет. Не настолько силен оказался я, просто Аскель не ожидал нападения и получал удар за ударом, почти не сопротивляясь.

Глаз обидчика быстро заплыл, нос хрустнул и заливал кровью лицо. Наконец, брату удалось меня оттолкнуть. Я упал в воду, тут же вскочил, зарычал и приготовился к прыжку.

И в этот момент увидел отца.

Он стоял чуть поодаль, положив руку на плечо Торда. Толстяк сжался, виновато потупил взор. А я-то думал — отчего этот жирдяй не помогал моему худосочному братцу?!

Остыл я так же быстро, как и вскипел. Опустив руки, ждал гневной речи, или того хуже — хорошей порки. Аскель, с трудом сдерживая слезы, утер рукавом разбитые губы. Надеюсь на поддержку, он посмотрел на отца, который, в свою очередь, довольно улыбался.

— Ты готов, Кеттиль, — обратился он ко мне, словно не замечая старшего сына.

— К чему?

— К эттлейдингу.

Развернулся и ушел.

Аскель разинул рот от удивления, а я стоял, как вкопанный, боясь любым неловким движением развеять сказочное наваждение, охватившее меня после слов отца.

Улов мой, махнув на прощание хвостом, скрылся в водах Рёумы. Брат хныкал, трогая сломанный нос. А ярл Сигурд собрался признать дитя рабыни законным сыном.

* * *

Эттлейдинг.

Введение в род

Сколько себя помню, я всегда мечтал об этом, ждал, надеялся. И все равно слова отца стали полной неожиданностью. По обрывкам фраз, невзначай оброненных матерью, можно было догадаться, что рано или поздно этот день настанет, но чем дольше приходилось терпеть, тем больше казалось, что норнам нет никакого дела до судьбы сына рабыни, и нить моей жизни заброшена.

Но Боги не забыли обо мне, а я, в кои-то веки, ошибался!

После драки у реки Аскель еще больше озлобился. Бросал косые взгляды, говорил сквозь зубы. Но поднять на меня руку уже не решался. Вслед за вожакom оставила попытки помучить тиборна и свора ребятни. Я просто стал изгоем, что, признаться, мало меня печалило.

Приготовление к обряду заняли не один день. Отец велел сварить как можно больше пива, и несколько бочек с солодовым зерном — не менее трех мер, — прикатали на задний двор. Десяток женщин активно размалывал зерна деревянными скалками, мужчины возились у огромных чанов с горячей водой, куда опускали мешочки с полученной крошевом. Старый Торир, дальний родственник отца, окунал сморщенный палец в варево.

— Огню добавь, — командовал он у одних емкостей, у других, наоборот, — советовал ослабить жар, после чего садился в тени у забитой мхом стены дома и застывал, как каменное изваяние.

Торир любил варить пиво и, без сомнения, делал это отлично. Но на то, чтобы приготовить напиток из стольких бочек с зерном, ушло четыре недели, и такие сроки не могли не огорчать. Однако я терпел, тем более что старик как-то открыл мне глаза на суть обряда и мое место в нем.

— Думаешь, Сигурд решил признать тебя законным сыном, потому что ты разбил нос Аскелю?

Мы обходили бочки с бродившим пивом, которые стояли в темном прохладном погребе, и Торир, ухмыльнувшись, прижался ухом к одной из них.

— Разве не так? — спросил я.

Старик закрыл глаза и странно захрипел, дергая худыми плечами.

— Отлично, отлично, — проговорил он, наконец, и я догадался, что Торир смеялся. — Оно дышит. Дышит, как баба при соитии, — его смешок заставил меня густо покраснеть. К счастью, темные своды погреба скрыли стыдливый румянец. — Славное будет пиво!.. Нет, сломанный нос плаксы Аскеля не причем.

— Тогда, почему?

— Бычок, — бросил старик и приник ухом к очередной бочке, а я с любопытством наблюдал, как луч света, проникнув внутрь сквозь дверную щель, застрял в торчащей во все стороны седой бороде Торира.

— Бычок?

— Да, — кивнул он косматой гривой, которой позавидовали бы и молодые люди. — Для эттлейдинга нужен трехгодовалый бычок. Так что к обряду готов он, а не ты, — Торир вновь захихикал. — А свернул нос брату тиборн, или тот выбил ему глаз — не так уж это и важно!

Осознание того, что не удаль и кулаки стали причиной решения отца, а возраст животного, несколько умерило возникшую гордыню. Все было решено задолго до драки, и мне оставалось только ждать.

Ждать, когда придет черед и бычка. Наконец, норны прикоснулись к моей нити судьбы, и отец взял в руки огромный молот. Кольбенс, отец Торда, и Рюкиль, по кличке Кривой, держали животное мертвой хваткой.

— Не промахнись, ярл Сигурд, — наваливаясь всем телом на бычка, хохотнул Рюкиль, и его лицо повело, то ли от приложенного усилия, то ли от улыбки, благодаря которой он и получил свою кличку.

— Мне все одно, с кого шкуру сдирать, — отец поднял молот над головой. — Если не хочешь быть на месте скотины, уворачивайся.

— С моей ляжки худой башмак выйдет, — не унимался Кривой. — В кого и целить, так в Кольбенса. С него с десяток пар сошьешь, еще и останется.

— Заткнись, и держи! — прорычал отец Торда.

Рюкиль не успел ответить, как молот резко опустился. Ноги бычка подкосились, рев прервался, и мужчины выпрямились, довольные проделанной работой.

Отец своей рукой содрал шкуру с правой ляжки скотины, и к следующему дню башмак для эттлейдинга был готов.

С самого утра дом отца походил на пчелиный улей. Люди сновали во все стороны, словно готовились к празднику Йоля. Разговоры, смех, окрики сливались в единый гул. Вареную и жареную говядину укладывали на огромные блюда, пиво разливали по кувшинам, после чего яства относили на двор, где ставили на длинные столы. Запахи блюд с легкостью перекрывали вонь слежалой соломы, что устилала землю, и многочисленные гости, заполнившие дом отца едва встало солнце, потирали руки в ожидании трапезы.

Торир не отпускал меня от себя, постоянно напоминая, что и как нужно делать во время обряда. Я кивал, соглашался, твердил, что все помню, но от назойливого старика не так просто было отделаться.

— Спротивляться, — в который раз шипел он мне в ухо. — Ты должен сопротивляться.

— Помню...

— Отец обязан вести тебя силой, заруби на носу, сопляк!

— Знаю, — отмахивался я, но вновь и вновь выслушивал одни и те же наставления.

И когда, наконец, в центр круга из столов женщины вынесли сшитый из кожи башмак, вздохнул с облегчением. Во дворе повисла тягучая, как смола, тишина. Несколько десятков пар глаз уставились на меня, вызвав жгучее желание сбежать в тихое местечко у Рёумы.

— Ты готов? — раздалось за спиной, и я вздрогнул.

Отец — это был он, — положил ладонь мне на плечо. Какой же тяжелой она показалась в тот момент! Может, от множества серебряных браслетов, добытых в боях, что обвивали его руки? О таких трофеях я мечтал долгими ночами, когда сон, бывало, обходил меня стороной. Грезил походами, жаркими схватками, богатой добычей. Тогда же я дал себе зарок, что первый браслет принесу в жертву Одину. Обязательно это сделаю, стану лишь свободным человеком, воином.

— Да, — торопливо ответил я.

Торир тут же наградил меня оплеухой, заставив поправиться.

— Нет, не готов.

Отец улыбнулся, пригладил длинные усы.

— Пошли.

— Нет, не хочу, — уперся я и охнул, когда его рука больно, как тиски, сдавила плечо.

— Ты должен, — молвил отец и поволок меня, словно щенка, к скамье, у которой лежал башмак.

Я беспомощно оглянулся. В толпе разглядел Исрид с окаменелым лицом, и Аскеля, еле сдерживавшего слезы. За спинами воинов легким дыханием ветра промелькнула мать. В ее длинных черных волосах солнечным лучом блестел золотой ободок, подаренный отцом.

— Мама! — крикнул я.

В Гардарике давно чтили Белого Бога, и мать, пусть и прожила много лет в Хрингарики, не была исключением, и посему эттлейдинг считала варварским, диким обычаем. Но звал я ее не от того, что искал материнской защиты или заступничества Христа. Спротивление отцу и явно проявляемое недовольство — часть обряда. Ярл Сигурд принимал сына в свой род, и мне всем видом надлежало показать духам рода матери, от которых меня отрывали, что не предавал я их, не оскорблял, не забыл. Лишь подчинился грубой силе, противиться которой невозможно.

Отец, не замечая моих жалких попыток упираться, под ободряющие возгласы воинов подошел к длинному, словно растоптанному троллем, башмаку, и подтолкнул меня вперед.

— Ступай, — произнес он.

Я вздохнул, пытаюсь укротить бешено рвущееся из груди сердце, вытер вспотевшие ладони о рубаху, бросил робкий взгляд на отца. Тот едва заметно кивнул, подбадривая:

— Ну же, смелее.

Торир нервно кашлянул в стороне, и я вступил правой ногой в башмак, постоял так мгновение, вдыхая резкий запах бычьей кожи.

— Моя очередь, — улыбнулся в усы отец.

Я посторонился, и он накрыл мой след в башмаке своей ступней.

Гомон прекратился. Кто-то икнул от голода — никак, неделю крошки во рту не было в предвкушении пира. Все ждали слов ярла, и тот их, наконец, произнес:

— Я ввожу этого человека в права на имущество, что ему даю, на деньги и дары, на сидение и поселение, на возмещение и выкуп, и во всякие личные права, как если бы за его мать был уплачен свадебный выкуп.

Совсем скоро мне минет шестой десяток лет, и за столь долгую жизнь я повидал много чего, как худого, так и доброго. Но сказанные тогда отцом слова до сих пор заставляют мороз пробегать по коже и учащенно биться сердце. Даже сейчас при воспоминании об эттлейдинге слезы радости набегают на глаза, ком встает в горле. Определенно, в тот день Боги улыбнулись тиборну!

Вслед за отцом к башмаку подошел Аскель. Он так же вступил в него и, едва сдерживая слезы, поприветствовал меня. Даже не пытаясь сдержать улыбку, я кивнул в ответ. Ребенку рабыни, ставшему свободным человеком, незачем таить радость!

— Рад видеть тебя, Кеттиль, сын Сигурда! — Торир оскалил беззубый рот и в свою очередь накрыл мой след в башмаке.

И вновь благодарный кивок.

— Рад видеть тебя, Кеттиль, сын Сигурда!

Фраза звучала снова и снова, всякий раз, как кто-то из семьи ярла вступал в священный предмет, опьяняя меня лучше всякой браги. Когда же ее произнес последний родич отца, настал долгожданный пир.

Аппетита от волнения не было и в помине, но я заставил себя проглотить несколько кусков остывшей телятины. Торир показывал пример, перемалывая мясо деснами и заливая все изрядными глотками пива.

За одним из столов затынул песню Снорри — скальд отца. Он пел о давнем походе на остров Эйсюсле, вспоминая, как лишь решительные, смелые шаги ярла Сигурда спасли отряд викингов от орды дикарей. Отец, напоив землю эстов кровью, сумел вывести людей из окружения. И когда, наконец, битва отгремела, а драккар покинул мрачные берега, викинги от усталости не могли поднять весел, но были счастливы. Еще бы! Корабль набили золотом и серебром так, что вода едва не перехлестывала через борта. И все же ярл довел отряд домой и покрыл свое имя славой.

Снорри пел негромко, но каждое его слово жадно ловили гости, позабывшие в этот миг о еде.

Песнь была хороша! Почти так же, как и плата за нее.

Снорри — тощий, как угорь, и бледный, как смерть, — давно жил в доме отца. Ел его хлеб, пил брагу. И слагал песни — надо сказать, удачные. Настолько, что отец, не задумываясь, щедро платил ему.

Воины помнили набег на Эйсюсле. На поверку он вышел не таким удачным, как об этом пелось. Добыча оказалась не столь велика, да и орда эстов представляла собой лишь отчаянную толпу селян, единственной целью которых было — защитить дома и семьи. Викинги просто разорили деревню, потеряв при этом пару человек.

Но скальд хорошо знал свое дело. Слова легко и складно слетали с языка. А все слушали, разинув рты.

— Кеттиль, пошли, — голос отца вернул меня к действительности.

Торир многозначительно подмигнул.

— Удачи! — он сопровождал пожелание громкой отрыжкой, и я последовал за родителем.

Едва мы вышли за ворота, как позади раздался крики, славящие ярла, и просьбы к Снорри спеть еще. Отец довольно улыбнулся — праздник удался. Пиво лилось рекой, и к вечеру вряд ли кто из гостей сможет твердо стоять на ногах.

— Куда мы идем? — осмелился спросить я.

— К богам, — просто сказал отец.

Я замер на месте, как затертый льдами корабль.

— К богам?

— Да, ты должен выслушать Кнута Безногого.

День не переставал волновать.

Кнут Безногий был ведуном. Давным-давно он, пытаясь постичь великую мудрость, по примеру самого Одина заставил приковать себя к ясеню, где провисел девять дней. Не знаю, достиг ли цели, но отмороженные ноги ему пришлось отсечь. С тех пор люди потянулись к Кнуту, как к отмеченному высшими силами, в надежде получить совет. Ведун никому не отказывал, к его словам прислушивались все, от поселанина до ярла, несли в дар богам еду, меха, золото.

И к этому человеку повел меня отец. Ноги подкашивались, как у новорожденного ягненка, в горле пересохло, но я покорно шел, чтобы услышать волю богов.

Маленькая хижина Кнута Безногого ютилась на отшибе деревни, неподалеку от воды. Мне никогда прежде не доводилось здесь бывать. Желания не возникало, даже когда мальчишки шепотом передавали друг другу, что видели ковыляющего к ручью ведун с ковшом в зубах. Они смешно показывали, как тот двигался, неуклюже переступая культиями, а я каждый миг ждал, что их поразит молния.

Отец приподнял тряпье, прикрывающее вход в хижину.

— Иди, — кивнул он, — я буду здесь.

Что мне оставалось делать? Судорожно сглотнув, шагнул в темноту. Полог опустился, тишина до боли резанула слух, и только тонкий луч света с роем пыли напоминал, что снаружи кипела жизнь.

— Проходи, парень, — донеслось из угла, где я заметил движение.

Сделал пару шагов, смахнув рукой затянутую паутиной рыболовную сеть. Глаза постепенно привыкли к мраку, и я разглядел говорившего. Им оказался сутулый старик с длинными седыми космами, ниспадавшими на изъеденный крысами меховой ворот. Он разламывал скрюченными пальцами краюху хлеба и кидал двум воронам. Те, подобно Хугину и Мунину — вечным спутникам Одина, — кружились возле хозяина, ничуть не боясь человеческих рук. Две культи — все, что осталось от ног, — торчали из-под грязного, накинутаго на худые плечи, балахона, от которого несло, как из помойной ямы.

— Меня зовут Кеттиль, — я присел на корточки напротив Кнута.

— Кеттиль. Сын Сигурда, — проговорил он хриплым голосом, и его водянистые, почти прозрачные, глаза уставились на меня. — Я знаю, кто ты.

Один из воронов нагло протянул клюв к хлебу, урвал кусок и, довольный, взмахнул крыльями. Ведун, взглянув на птицу, швырнул остатки себе в рот.

— Чего ты хочешь, Кеттиль, сын Сигурда? — спросил он, прожевав.

Вопрос поставил меня в тупик. Говорить должен сам старик, по крайней мере, именно так мне казалось.

— Я?

— Да, ты, — Кнут сделал упор на слове «ты».

В замешательстве я пожал плечами:

— Стать воином, как отец.

— А что для тебя — быть воином?

Мне показалось, что по лицу старика пробежала ухмылка.

— Сражаться с мечом в руке, — начал перечислять я, — стоять в стене щитов, плыть на драккаре, покрыть свое имя...

— ...славой, — перебил меня Кнут и тихо засмеялся. — Все мальчишки грезят об этом, но не каждому суждено добиться.

Подле ведуна прошмыгнула крыса. Полено, пущенное меткой рукой старика, ударилось о стену, и грызун юркнул между бревен.

— В твоих жилах течет непростая кровь, Кеттиль, сын Сигурда, — вновь обратился ко мне Безногий. — Отец, ярл, наградил тебя северным духом, силой, отвагой. Но мать разбавила суровую кровь своей, русской. Из Гардарики ты взял ум хитрый, изворотливый, непомерную гордость да мягкое сердце. С годами эта смесь начнет бродить в твоём теле, и что получится — ведомо лишь тебе, — его кривой палец с обкусанным ногтем ткнул мне в грудь. — Ты сам творец своей судьбы. Боги молчат, они скупы на слова, так как видят подле тебя распятого Христа. Думай, Кеттиль, сын Сигурда, думай.

Мороз пробежал по коже, и я захотел обернуться тем грызуном, что так лихо увернулся от полена. Вот кому нет дела до людской суеты и воли богов! Кнут меж тем отвернулся к воронам, словно позабыв о моем присутствии.

Несколько биений сердца я ждал продолжения разговора, однако, видя полнейшее безразличие ведуна, попятился к выходу. Но не успел переступить порог, как за спиной раздался его хриплый голос:

— Остерегайся хромоты, Кеттиль, сын Сигурда.

Я обернулся, однако Кнут по-прежнему взирал на воронов, не обращая на меня внимания.

Отец не стал задавать вопросов. Всю дорогу к дому мы молчали. Я переваривал услышанное, и отец, отлично это понимая, не мешал.

— Кнут велел остерегаться хромоты, — сказал, наконец, я.

Ответ был прост и до смешного очевиден:

— Значит, будешь держать щит ниже.

Безногий врать не будет, поделился потом мыслями старый Торир и взялся обучить меня владению мечом и щитом. Подрезать жилы могут и через много зим, говорил он, а до старости еще дожить надо, потому умение убивать и не дать убить себя всяко пригодится.

Я старался, схватывал науку на лету и готовился к тому, что моя судьба, если верить ведуну, зависит только от меня.

Как оказалось, боги молчали лишь в день встречи с Кнутом, но вовсе не забыли о маленьком сыне ярла. Потому что пророчество сбылось намного раньше, чем поседел мои иссиня-черные волосы.

Глава 2

Все началось с появления в Хрингарики Зигфрида. Священника. В свое время он, как пиявка, присосался к королю Олаву Воронье Крыло. Благо, тот был ярым христианином и с усердием насаждал новую веру в Нореге, в чем ему помогала армия епископов, священников и монахов. Зигфрид — один из крестителей, — лил святую воду направо и налево, пел псалмы и размахивал распятием, как кузнец молотом. Сеял зерно истины на благодатную почву невежества, окропляя ее кровью непокорных. Таких жнецов было великое множество, и они с радостью исполняли волю короля, не считаясь с жертвами. И если раньше христиане молились Иисусу, озираясь по сторонам и не поднимая головы, то после поддержки Олава уже к старым богам приходилось обращаться с осторожностью.

Такое пренебрежение к вере предков не могло остаться безнаказанным. Рукой датского воина, отправившего в битве у Свольде короля Воронье Крыло на тот свет, не иначе управлял сам Один. Так думали многие, и отец в том числе.

— Туда ему и дорога, — говаривал он и неизменно дотрагивался до оберега в виде молота Тора.

Из двух зол — датчан и христиан, — отец выбрал то, с которым можно бороться. А скрестить меч получится только с захватчиками. Скользкие, как угри, святоши выкарабкаются из любой передраги. И восшествие на престол новых правителей лишь подтвердило это.

Смерть Олава не стала глотком свежего воздуха. Датчане не сдерживали священников, и святая вода продолжала литься по норвежской земле вперемешку с кровью.

Мать-христианка, не в пример настырным церковникам, никогда не пыталась склонить меня к своей вере, справедливо полагая, что взрослый человек, коим я, несомненно, являлся в пятнадцать лет, сам разберется, какому богу молиться. И конечно же, мне больше по душе были воинственные Один и Тор, но никак не позволивший мучить и убить себя Христос. Я был тверд в своих убеждениях, всем сердцем ненавидел священников и представить не мог, что спустя годы стану одним из них.

Тогда-то — в пятнадцать лет, — впервые я и увидел Зигфрида. Человек, сыгравший важную роль в моей жизни, в тот момент был всего лишь странствующим монахом и с проповедями следовал по Хрингарики в сопровождении десятка таких же святош. Среди них он выделялся только тем, что, высоко задрав длинный нос, восседал на худой лошади, в то время как его спутники шли пешком.

Внушительный отряд датчан охранял христиан. Щиты на спинах, копья в руках. При желании эта дюжина воинов могла бы с легкостью ограбить нашу деревню, разбив в пух и прах любое сопротивление. И оставалось только гадать, для чего проповедникам понадобилась такая защита.

Я, как и многие другие, вышел на улицу, чтобы хмурым взглядом окинуть непрошенных гостей. Недовольный шепот слышался повсеместно, и, если бы слова могли убивать, отряд, ступивший в деревню, лежал бы уже мертвым. Но подобный прием мало смущал монахов. Еще меньше это волновало датчан.

Они двигались, молча, презрительно оглядывая низкие дома, пока носатый священник не натянул поводья. Худая лошадь возблагодарила Господа, тихо заржав, остановилась подле меня и устало опустила голову.

— Чье это жилище, юноша? — всадник прижал к груди толстый томик и кивнул в сторону длинного дома, принадлежащего отцу.

Я не сразу сообразил, что вопрос относился ко мне, так как был очень занят тем, что, скрестив руки, как можно более вызывающе смотрел на святошу. Он не понравился мне сразу. Колючий взгляд, тонкие, сжатые губы, узкое лицо, на котором утесом торчал гигантский нос.

Монаху было лет тридцать, но, судя по толстой серебряной цепи с крестом, золотому перстню на пальце и тому уважению, с которым глазели на него спутники, он обладал большой властью.

Толчок в спину заставил меня опомниться, и я ответил:

— Ярла Сигурда, господин.

— Ярла Сигурда, — повторил святоша, и кривой рот расплылся в улыбке. — Очень хорошо! Здесь мы и остановимся!

Худое создание, на котором он сидел, перестало щипать скудную траву на пыльной дороге и, словно вспомнив, что оно — лошадь, радостно заржало, предчувствуя кров, пищу и отдых.

— Хвала Господу! — продолжал ликовать всадник. — Хотя какое-то пристанище в этом диком крае! — и протянул длань с перстнем мне. — Благодарю, юноша.

Бледная, тощая рука, поданная, явно для поцелуя, ничего, кроме отвращения, вызвать не могла. Но ответить как-то надо было, и я, еще ребенок в душе, быстро поймал тонкие пальцы священника и потряс их в крепком рукопожатии.

Тут же несколько копий уткнулось мне в грудь, монах отдернул руку с гримасой неприязни на лице, а проповедники за его спиной заохали, торопливо осеняя себя крестами. Один из датчан обнажил меч и вплотную подошел ко мне. Шепот вокруг затих, и только отчаянный лай дворовых собак нарушал тишину.

— Оставь его! — оскорбленный столь бесцеремонным поступком священник побледнел, еще выше задрал нос и уколол меня пронизывающим, холодным взглядом. — Мы накажем наглеца после.

Меч спрятался в ножны так же быстро, как и выпрыгнул из них. Копья вновь устремились в небо. Пятки святоши поддали изможденной лошади под ребра, и отряд, минуя примолкнувшую толпу, направился к дому отца, ярла Сигурда.

Тому ничего не оставалось, как принять гостей. Работа на кухне закипела, и, едва солнце прикоснулось к верхушкам деревьев, длинный стол, за которым уместилось более двух десятков человек, уже ломился от яств.

Зигфрид обратился с нескончаемой речью к отцу, благодаря его за теплый прием и пищу, которую гостям предстоит вкушать. При этом датчане с плохо скрываемым раздражением смотрели на священника, потому как тот своим красноречием мешал им приступить к трапезе. Наконец, прозвучали слова молитвы, из коих я с удивлением узнал, что богатство на столе — это заслуга мертвого Христа, а не доброго хозяина.

Отцу было плевать на длинную, как река, речь Зигфрида, но и он терпеливо ждал, когда тот умолкнет.

Я сел на скамью в дальнем углу освещаемой десятком факелов зале, рядом со Снорри. Прошедшие годы не добавили жира на боках скальда. Казалось, наоборот, кожа его еще больше побледнела, что видны были вены на бритых висках и щеках, а глаза едва не проваливались внутрь черепа.

Когда я взглянул на него, скальд, не мигая, уставился на дощатый, почерневший от чада, потолок и теребил пальцами куцую бороденку. Никак придумывал очередную драпу из хвалебной песни, в надежде поразить гостей.

Гомон, поднятый предполагаемыми слушателями, явно мешал созданию оды, и Снорри со злости покусывал ус.

Я не стал испытывать его терпение и, молча, устремил взор на священника.

Зигфрид после долгой дороги не удосужился стряхнуть пыль с рясы, и черная некогда ткань приобрела серый оттенок. Засохшие комья грязи на подоле походили на рыбью чешую. Сбоку, под рукой, словно дупло, зияла прореха. Томик со священным писанием мирно покоился на его коленях.

Во время трапезы Зигфрид больше говорил, чем ел. Для придания своим словам веса он размахивал свиной костью, разбрызгивая во все стороны капли жира. Я с трудом понимал, о

чем толкует незванный гость, но отцу его речи явно были не по душе, потому как таких насупленных бровей у родителя я давно не видывал.

— Священник проповедует, — бросил Снорри, будто прочитав мои мысли.

— С таким же успехом он мог бы вещать на кладбище, — усмехнулся я. — Отец никогда не примет христианство.

— Возможно, ты и прав, — пожал плечами скальд, — но священников в Нореге стало едва ли не больше, чем воинов.

С ним нельзя было не согласиться. В Хрингарики христиане встречались довольно редко, но эта область одной из последних во всем Упланде держалась под натиском новой веры. Священники, получив когда-то одобрение покойного ныне короля Олава, с радостью обращали в христианство всех, до кого добирались их длинные руки. И новые короли, Свейн и Эйрик, никак этому не препятствовали. От них вообще мало что зависело. Я мало разбирался в том, кто, чем и почему должен править, однако даже мне не надо было объяснять, что за спинами братьев-правителей стояли датчане, и только они решали, какой будет судьба чужой им страны. Поэтому, скорее всего, настал черед встретиться со святошами и моей родной деревне.

Зигфрид обещал тем, кто решит креститься, вечное счастье в месте со странным названием «рай». Если я правильно понял, в «раю» их ожидало спокойствие, умиротворение и неземное блаженство. Вряд ли это место похоже на Валгаллу, с ее постоянными пирами, схватками и оргиями с женщинами. Но себе после смерти я пожелал бы оказаться именно в шумном зале с богами, воинами и шлюхами, а не в белоснежных покоях, наполненных ангелами — маленькими существами с крыльями, — убаюкивающей музыкой и тихими беседами с подобными священнику.

По пути в Хрингарики, продолжал Зигфрид, он посетил Гренланд и Вестфольд, побывал во многих церквях и встретил большое количество последователей Христа.

— Глаза у людей открываются, — нараспев говорил он, — в моих словах видят истину, ко мне тянутся. Благодарю Господа, — Зигфрид прикоснулся к томику на коленях, — я могу привести к нему много новых заблудших душ!

Лицо священника сияло не меньше креста на его груди, то и дело бросающего блики в свете огня.

Толпа священников подобострастно поддакивала ему и кивала выбритыми головами.

— Слава Господу нашему Иисусу Христу! — повысил голос Зигфрид.

— Слава Господу нашему, — вторили его спутники.

За ними, блеявшими, словно стадо ягнят в стойле, противно было наблюдать, и отец еле сдерживался, чтобы не положить хвалам конец. Он со злостью грыз хрящи, залпом осушал кубки. Датчане старались не усердствовать с вином и с опаской поглядывали на ярла, готовые в любой момент броситься к углу, в котором кучей лежало их оружие, снятое перед трапезой.

— В Вестфольде ярл Орм, дожив до преклонных лет, познал истину! — продолжал священник. — Хвала Господу, он принял христианство. За ним последовала вся его семья и челядь. Это был великий день! — Руки Зигфрида взметнулись к потолку, едва не опрокинув тарелку. — Но в Хрингарики, — колючий взгляд гостя, вмиг посмурневшего, остановился на отце, — меня встретили враждебно.

Сердце подпрыгнуло к горлу. Похоже, Зигфрид приблизился, наконец, к тому, ради чего появился здесь.

— Я не запрещаю людям верить в того бога, в какого хотят, — медленно проговорил отец. — Если они предпочитают Одина и Тора Христу, так тому и быть.

— Глупо чинить препятствия на пути Господа...

— Что привело тебя ко мне в дом, священник? — не выдержал отец нравоучений.

На мгновение Зигфрид замолчал, ошеломленный резким тоном хозяина.

— Я посещаю все церкви в округе, ярл Сигурд, — ответил, наконец, он. — Везу христианам на поклон мощи — мизинец Одо Доброго. Сей святой так же, как и ты, был сыном языческих родителей из Дании.

— Я не датчанин, — отец кинул кость на пол, где ее тут же подобрал громадный пес, — и я остаюсь сыном языческих родителей. Не надо меня сравнивать с этим монахом.

— Одо был архиепископом! — возмутился Зигфрид.

— Хоть самым папой. — Вино полилось по подбородку отца на грудь, когда тот осушил очередной кубок. — Если найдешь, где показать свой засушенный палец, делай это. После я дам тебе человека, который проводит тебя до границы Хрингарики.

Священник, молча, проглотил грубые слова. В зале повисла тишина, прерываемая довольным рычанием пса, обгладывающего мосол.

— Хорошо, — выдавил из себя Зигфрид, опустив голову. Губы его побелели от напряжения, а нос, казалось, стал еще больше. — Я слышал, здесь все же есть монастырь.

— Да, на Фроссен Йорде, — отец кивнул в сторону, где находился остров с турсами.

— Я бы хотел попасть туда.

— Завтра утром мы переправим вас на лодках.

— Сегодня же, — властным тоном сказал священник. И уже мягче добавил, — мне необходимо прочитать молитвы.

Отец удивленно уставился на Зигфрида, но, довольный, что избавляется от неприятного гостя, пожал плечами:

— Как хочешь.

Снорри разочарованно вздохнул. Не суждено ему было исполнить хвалебную песнь этим вечером.

Зигфрид поднялся. Монахи, встав из-за стола, послушным косяком рыб проследовали к двери. Датчане, нехотя, отодвинули тарелки.

— Мне нужен человек, провожатый, — прижав томик к груди, остановился в пороге священник.

— Рыбаки покажут путь, — отец даже не обернулся.

— Я бы хотел, чтобы со мной пошел этот молодой человек, — палец святоши указал на меня, заставив вжаться в стену. Дневная выходка с рукопожатием, все-таки, вышла боком.

Отец удивленно взглянул на гостя. Я молил Одина, чтобы Зигфрид получил отказ. Но ничего необычного или плохого родитель в просьбе не увидел.

— Кеттиль, проводи священника к острову.

Зигфрид мило улыбнулся и пропустил меня вперед.

Улицы погрузились во тьму, и датчане освещали дорогу несколькими факелами, прихваченными из залы. С угрюмым видом я шел рядом с одним из воинов.

— Не торопись, юноша, — сделал мне замечание священник, поскольку монахи в своих длинных рясах с трудом поспевали за моим скорым шагом.

Я, молча, кивнул, и оставшийся до реки путь мы проделали со скоростью черепахи.

Подойдя к берегу, я заглянул в одну из лачуг и передал просьбу отца о переправе святош.

Бьерн Белый, старый седой рыбак, плел снасть из ивовых прутьев, и неожиданные гости оказались очень некстати.

— Куда? — грубо спросил он.

— На Фроссен Йорд.

Бьерн оторвался от работы и презрительно плюнул на пол.

— Ждать я их там не буду.

— До утра они останутся в монастыре. Вернусь только я.

— Ждать не буду, — повторил рыбак. — Оставлю одну лодку, доберешься сам.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнул я.

Когда дюжина лодок достигла цели, остров был окутан тьмой, и только несколько окон монастыря светили, подобно звездам.

— Видишь, юноша, — сказал Зигфрид, благоговейно смотря на них, — как свеча в келье освещает темноту ночную, так истинная вера разгоняет мрак невежества.

С языка едва не сорвалось, что «истинная вера» во Христа, вряд ли, сможет разогнать даже мух с его мертвого тела, но я сдержался.

Вместо ответа выпрыгнул из лодки. Прохладная вода заставила сжаться естество, но я и виду не подал.

— Идем.

Монахи, охая и подбирая полы сутан, как девки юбки, проследовали следом.

Зигфрид, помимо одежды задравший вверх Библию, недовольно поблагодарил Бьерна и обратился ко мне:

— Веди, юноша, в обитель Господа.

Тропа, петляя между валунов, уводила в глубь острова. Я взял один из факелов и дотронулся до оберега в виде молота Тора на удачу.

Турсам-великанам нет никакого дела до Белого Бога и его служителей, их не отпугнуть крестами, книгами и глупым бормотанием. Поэтому, углубляясь в Фроссен Йорд, я впервые порадовался, что рядом шагал добрый десяток угрюмых датских воинов.

Возможно, благодаря им, мы спокойно добрались до монастыря, у стен которого рос куст терновника, объявленный христианами святым.

Двери, заскрипев, распахнулись.

— Слава Господу нашему Иисусу Христу!

Зигфрид подал руку для поцелуя выбежавшим навстречу монахам. Дюжина рабов в рясах — от безусых юнцов до слепых старцев, — подобоострастно сгибала перед ним спины. Видимо, важная птица пожаловала в монастырь, раз его пальцы облобызали с таким тщанием!

Я брезгливо поморщился и, отдав факел датчанину, торопливо развернулся к выходу.

— погоди, юноша, — остановил меня визгливый голос священника.

— Что-то еще?

— Да, — Зигфрид сделал знак своим людям, — я хочу показать тебе кое-что.

За этот день я достаточно насмотрелся на христиан и горел желанием побыстрей добраться до лодки, но железный взгляд священника и тон, не терпящий возражений, не оставляли выбора.

— Ну же, смелее, — проговорил он и повел меня вслед за снующими, как крысы, монахами. — Доводилось ли тебе когда-нибудь видеть чудо, Кеттиль?

Зигфрид впервые назвал меня по имени, и признаюсь, мне это не понравилось. Он словно заискивал, льстил недавнему обидчику. От матери часто приходилось слышать о том, что христиане обязаны прощать и не отвечать ударом на удар, но бегающие глазки и крепко сжатые губы священника говорили намного больше его вежливых слов, а от тона, которым те были сказаны, так и веяло угрозой.

— Да, конечно.

— И где же? — искренне удивился святоша.

— Однажды на моих глазах Кольбенс, воин отца, проглотил целого поросенка и не поперхнулся, хотя я едва смог бы осилить ляжку.

Зигфрид с отвращением скривился.

— Ты не понял меня, Кеттиль. Я говорю о Чуде, — священник, взмахнув рукой, напыщенно произнес последнее слово, — благословении Божьем!

— Нет, я никогда не видел Богов, — мне надоел этот разговор, пользы от которого было, как меду от мухи. — Но зато не один раз слышал грохот колесницы Тора.

Зигфрид осенил себя крестом, защищаясь от язвы. Тем временем мы оставили монастырь за спиной, и вышли к оврагу, у края которого в обилии росли «священные» терновые кусты. Рядом с ними стояла столь большая бочка, что в ней легко бы смог искупаться турс. Благо наполнена она была темной, как зев пещеры, водой.

— Сегодня ты увидишь настоящее чудо, — он подвел меня к бочке, — Чудо перерождения.

За спиной тут же возникли два воина. Оружия они не обнажали, но их суровый вид явно говорил о том, что, сделай я шаг в сторону, и мечи моментально покинут ножны.

Под руку меня взял старый монах, от рясы которого несло, как из нужника.

— Пойдем, сын мой, — сказал он. — Таинство крещения — величайшее чудо на Земле!

Только теперь до меня дошло, что бочка представляла собой купель, а просьба о провожатом на остров — хитро продуманный план.

Отчаянно, словно косуля, загнанная в ловушку, я взглянул на край обрыва.

— Даже не думай, парень, — усмехнулся вонючий старик. — Костей не соберешь.

Он подтолкнул меня к бочке, где уже стоял Зигфрид.

— Запомни эти мгновения, Кеттиль, — сказал священник, перебирая страницы книги. — Момент, когда узришь Истину!

Христианство не было для меня чужой религией. Вера матери не может быть мерзкой. Но я даже представить себе не мог, что предам старых Богов, которым поклонялись многие поколения моих предков, сменить сурового Одина на мертвого Христа. Прародители будут ждать меня в Валгалле, а я проведу вечность, слушая нудные песнопения в Раю?!

Паника медленно, но верно, овладевала мной. Бегло оглянулся. Отступать не куда! Позади стояли датчане, за руку вцепился старик, словно боялся упасть, впереди — безжалостный Зигфрид, нашедший нужную страницу и с радостью поднявший перст. Выхода не было!

С уст священника начали слетать слова на незнакомом языке. Обряд крещения против моей воли начался.

И тогда я принял решение, которое считал единственно верным, и которое, как оказалось, стало судьбоносным.

Кулак врезался в живот старому монаху. Тот охнул, сложился пополам. Хватка ослабла, и я, схватив его за ворот, кинул на Зигфрида.

Священник не ожидал такого поворота. И когда старик влетел в него, неуклюже взмахнул руками. Библия, хлопая страницами, как летучая мышь крыльями, промелькнула в воздухе и булькнула на дно бочки.

— Нет! — закричал Зигфрид, с ужасом смотря на воду, сомкнувшуюся над книгой.

А я рванул к обрыву. За спиной, выскакивая из ножен, засвистели мечи. Страх оказаться нанизанным на клинок, как поросенок на вертел, на поверку вышел куда больше испуга перед тьмой и высотой, с которой предстояло прыгнуть.

Ступив на край, я, как можно сильнее, оттолкнулся и, зажмурившись, рухнул вниз.

Грохот, с которым вода билась о камни, оглушил. Я закричал, но не услышал сам себя, а время, пока летел, показалось вечностью. И, когда начало казаться, что вместо Рёумы я падаю в Хельхейм, бездну мертвых, меня захлестнули волны.

В последний момент успел набрать в легкие воздуха, а затем бурный поток кинул меня, как игрушку в сторону.

Одна нога попала меж камней, и дикая боль пронзила насквозь. Я едва не раскрыл рот, иначе этот рискованный прыжок оказался бы последним в моей жизни.

С трудом освободив ногу и едва не теряя сознание, я вынырнул на поверхность, и волна выбросила меня на берег.

Со стороны монастыря слышались крики. Датчане, явно, бросились вниз на розыски беглеца. Нужно было торопиться. Откашлялся и попробовал встать, но жуткая боль напомнила о

себе, выдавив из груди стон. Голень была сломана, и я, сжав зубы, запрыгал к лодке, которая, по счастью, ждала меня в сотне шагов.

Мысленно поблагодарил Бьерна Белого — он, как и обещал, оставил только одну лодку. Но к ней еще нужно было добраться.

Нога, как ее ни поджимай, цеплялась за камни, заставляя помимо воли, литься слезам. Я до крови искусал губу, скакал, словно раненый заяц, но продвигался вперед.

Голоса датчан и хруст ломаемых веток слышался совсем рядом, когда я доковылял до лодки и столкнул ее в воду. Неуклюже запрыгнул, сжался в комок и закричал. От страшной боли, от злости, от обиды.

Впрочем, в случившемся я винил только себя. Ребяческая выходка днем привела к тому, что влиятельный священник, прихвостень датчан, стал моим врагом, и от него, скорее всего, стоило ждать ответного хода. Только принимать удар на себя придется уже не мне, а отцу.

Свет факелов озарил берег, вдогонку понеслись проклятия. Обессиленный, я закрыл глаза и отдался на волю течению Рёумы.

* * *

Очнулся я от того, что кто-то, пытаясь разбудить, тряс меня за плечо.

— Ну, наконец-то!

Я раскрыл глаза и увидел Торира. Старое, сморщенное, как сушеный гриб, лицо, но до чего приятно было его видеть!

— Хвала Одину! Ты проснулся.

— Да, — я приподнялся на локтях и с удивлением обнаружил, что нахожусь в собственном доме. Потолок, похожий на перевернутую лодку, обмазанная торфом северная стена, даже паутина в углу. От вида родной обстановки на душе сразу потеплело. — Давно я сплю?

— Уж второй день как! — Торир подошел к столу и взял тарелку. — На, поешь, а то скоро одни кости останутся.

Хорошо знакомый запах густой, приготовленной матерью, похлебки из перемолотых в муку злаковых зерен зашекотал ноздри. В животе сразу заурчало, словно напоминая, сколько дней он голодал. Я торопливо сел и охнул от боли.

— Давай, разломай мою работу, — пожурил меня Торир. — Две ночи глаз не смыкал, собирал его проклятую ногу, чтоб хоть ходить мог, а он прыгать удумал!

Я посмотрел на сжатую со всех сторон деревяшками и перемотанную тряпьем голень. Жалкое зрелище!

— Как меня нашли?

— Лодку прибило к берегу, недалеко от Гренндаля, — ответил старик, протягивая ложку.

Хоть в этом боги оказались милостивы. Гренндаль, соседняя деревня в несколько дворов, ниже по течению Рёумы. Ярл Гудбранд, ее хозяин, часто ходил с отцом в набеги и всегда был желанным гостем в нашем доме.

— Тебя нашел Магнус, — добавил Торир.

Я скривился, словно съел кусок соли. Магнус, сын ярла Гудбранда, был немногим старше меня, однако уже успел побывать в одном походе на Восток, о чем при любом удобном случае не забывал помянуть. Как по мне, обычный хвостун и пустослов. Мы не были с ним дружны, и редко разговаривали, но из обрывков фраз, которыми перебрасывались друг с другом Аскель и Магнус, я понял, что именно он вскоре станет мужем Гудрид, моей сестры.

— Смеялся, наверно, — хмуро сказал я, уплетая похлебку.

— Да уж, живот надорвать можно!

— Зигфрид ушел?

Торир посмурнел и дотронулся до костяного оберега.

— Хвала Богам, убрался на следующее утро, как и обещал, — сказал он.

— И отец его отпустил? — удивился я.

— С чего бы ярлу удерживать эту крысу? — усмехнулся в бороду Торир. — Или это он сломал тебе ногу?

Я вспомнил, что никому не успел рассказать о том, как покидал остров, и вместо ответа предпочел проглотить последние ложки с похлебкой.

— Святоша, конечно, был бледен, как грудное бабье молоко, когда лодки приплыли с Фроссен Йорда, — старик выловил вошь в бороде и с довольным видом раздавил грязным ногтем. — Но я решил, что это от того, что ночь в монастыре выдалась неудачной. Все-таки, спать под боком у турсов не очень приятно.

Торир был как никогда прав. Ночь в монастыре и правда оказалась ужасной. Только великаны были совсем не причем.

— Ярл дал проводника священнику, — продолжал он, не замечая моего смятения. Все его внимание было обращено на очередную блоху, которая никак не хотела повторять судьбу своей подруги и ловко ускользала от неуклюжих пальцев, прячась в седых волосах старика. — И тот направил свои священные стопы в Раумарики. Вот уж кому не повезло!

Я поставил на пол тарелку и решительно сказал:

— Зигфрид пытался меня крестить.

Торир на мгновение замер, затем впопыхах, чтобы не отвлекаться, спрятал бороду под засаленный ворот рубахи.

— Что?

— Зигфрид пытался меня крестить, — повторил я.

— И? Ты теперь тоже поклоняешься Белому Богу и льешь слезы ручьями? — осторожно спросил старик, чем вызвал невольную улыбку на моих губах.

— Нет, — поторопился я его успокоить и рассказал о происшествии на острове.

Торир слушал внимательно и только раз меня перебил:

— Ты ударил священника?

— Мне пришлось, — будто извиняясь, пожал я плечами.

Старик довольно хохотнул и хлопнул себя ладонью по колену.

— Молодец! Только надо было бить в грудь, а не в пузо. Глядишь, одним святым на небесах стало бы больше.

Я представил, как толпы христиан бьют поклоны вонючему монаху, и рассмеялся. А Торир, дослушав рассказ до конца, надолго задумался.

— Зигфрид ушел, — промолвил, наконец, он. — Не стал ничего говорить об утонувшей священной книге. Не помянул и о твоём побеге. Просто молча ушел. Ссоры он не искал. Пока, по крайней мере. Но кто знает, не вернется ли Зигфрид позже с отрядом более внушительным, чем в этот раз?

Старик вслух повторил мои мысли. Гадкое чувство вины и обреченности, мучающее меня со времени побега, еще более усилилось.

— По весне я уйду из Хрингарики, — твердо сказал я. — Отец даст нам с Аскелем драккар, и мы уплывем на Восток. Зигфриду некому будет мстить.

Однако Торир грустно покачал головой.

— Можешь забыть о море, — слова его будто обухом ударили по голове.

— Что?

— Попомни мое слово. Вода оттолкнула тебя и вряд ли примет обратно.

— Нет, не может быть, — по мне, так старик нес откровенный бред. — Не может быть. Я выйду в море. Вот увидишь, выйду.

В голове не укладывалось, как сломанная нога может помешать идти под парусом. Но старый Торир был неумолим.

— Знавал я одного рыбака, Ульва, — сказал он. — Всю жизнь провел на воде. Плавал лучше, чем ходил. Увы, норны решили зло пошутить над ним. Когда после одной из зим Ульв готовил лодку к плаванию, та опрокинулась, сломав ему ногу, как тростинку. Кость срослась, но стоило рыбаку выйти в море, начинала ныть так, что он с трудом доползал до хижины на берегу. — Палец Торира уткнулся в мою ногу. — Она не даст тебе плавать, поверь, сынок.

Верить не хотелось, хотя я и понимал правоту слов старика. Согласиться с ним, значило отказаться от детской мечты, расстаться с грезами о боевых походах. Это было выше моих сил.

— Не может быть, — шептал я снова и снова, — выйду, я выйду в море.

Старик говорил очень уверенно, но, как оказалось, прав был не он, и спустя несколько лет я все же плыл на драккаре по большой воде. Однако для этого мне пришлось пережить страшные, полные крови и смерти, события.

Глава 3

Шло мое двадцатое лето, и жизнь в Нореге изменилась до неузнаваемости.

Всеми виной — молодой конунг из Вестфольда, Олав, сын Харальда Гренландца. Уплыв довольно давно на Запад, он сражался на стороне датчан с саксами, и в тех боях сделал себе имя. Песни о его победах и подвигах достигали даже нашей деревеньки.

— Стоять плечом к плечу с датчанином — хуже не придумаешь. Но убивать этот сопляк умеет! — отдавал должное Олаву отец.

Однажды я видел «сопляка», и он, действительно, не внушал своим видом испуга или трепета. Это случилось, когда мы с отцом и братом ездили в Вестфольд на тинг, собранный как раз перед походом на саксов.

Олав оказался моим ровесником. Он был худым, болезненно бледным юношей, на плечах которого мешком висела толстая куртка из шкуры северных оленей с вшитыми костяными пластинками. На лице его не успел пробиться ус, а речей только и было, что о войне с остро-витянами.

Ему не поверил даже его побратим, конунг Хрингарики, Эймунд, а значит, как соблазнительны ни были слова Олава, наши драккары отплыли в тот год на Восток, в противоположную от Британии сторону.

Юного оратора, впрочем, мало заботило недоверие ярлов и конунгов. Заодно с ним были датчане, и этого было достаточно, чтобы пересечь Большую Воду.

Но одними сражениями с саксами поход на остров не ограничился. Чем думал Олав, когда связывался с монахами и священниками, неизвестно, но очень скоро он попал под их влияние и стал послушным и податливым, как мягкая глина в руках гончара. Его меч, только недавно отсекавший головы саксам, теперь повернулся против бывших союзников, а сам конунг принял христианство.

— Безмозглый мальчишка! — всякий раз ворчал Торир при упоминании Олава.

Возможно, но именно он, вернувшись на родную землю, изгнал из Норега датчан, а их прихвостни, Свейн и Эйрик — правители, свергнутые «сопляком», — исчезли, даже не пытаясь защитить свою власть.

К сожалению, всеобщая радость была недолгой. Вслед за Олавом нагрянули толпы священников, которые еще яростней принялись обращать в христианство норвежцев. Новая вера, как надоедливые блохи, проникала всюду, спасения не было даже в отдаленных уголках страны.

Олав сильно рисковал, покровительствуя святошам. Люди только скинули одно ярмо, и вполне могли не согласиться подставить шею под другое. Но молодой конунг упрямо гнул свою линию. Новые союзники — саксы, — чувствовали себя в Нореге хозяевами, проповедники все громче убеждали забыть старых богов, а сам Олав не стеснялся прилюдно становиться перед епископами на колени и целовать протянутые руки.

Терпение народа лопнуло, и, как уверяли слухи, за один только день около десятка монахов отправились на встречу к Мертвому Богу в родном Олаву Вестфольде. Следом поднялись Раумарики, потом еще несколько провинций.

Олав не церемонился с восставшими бондами, заливая землю кровью. Саксы, чье нутро пропитала ненависть к норвежцам за долгие годы войн, с радостью убивали врагов конунга. К счастью, Эймунд не дал волнениям захлестнуть Хрингарики, и эта участь нас миновала. Вместо этого он собрал десяток драккаров, среди которых был и отцовский, для похода на эстов.

Одним из помощников Эймунда был и Аскель. А я, как и предполагал Торир, в который раз после встречи с Зигфридом остался на берегу с жуткими болями в ноге. Каждую весну кость напоминала о себе, не давая ходить.

— Ничего, это пройдет, — утешал отец, с горечью наблюдая за моими мучениями.

— Твоя стихия — земля, — противоречил ему Торир, стоило нам остаться наедине. — Научись с ней дружить, забудь о воде, и ты познаешь новый мир!

От его речей тошнило, слишком они напоминали проповеди священников, и я всякий раз отмахивался от старика и старался занять себя каким-нибудь делом.

Кому уж точно был по нраву мой изъян, так это моему брату. Хромота — лишний повод для поддевок со стороны Аскеля, и он им пользовался при любом удобном случае.

Отец, как всегда, оставался в стороне от перебранок. Взрослые сыновья и сами должны решать все споры. Но зато от него я никогда не слышал ни одного слова упрека. Более того, в то время, когда Аскель уплывал с Эймундом, часто бродил со мной по берегу Рёумы, беседуя о делах Хрингарики.

— Эймунд мудро поступил, — сказал он мне в одну из таких прогулок, — даром, что молод, как и ты.

Я с грустью взглянул на медленно бегущие волны. Конунг в свои двадцать лет видел дальние земли, участвовал не в одной битве и командовал десятком боевых кораблей. Мне же кроме Фроссен Йорда нигде не приходилось бывать.

— Чтобы не скрещивать мечи с Олавом, он просто уплыл, — продолжил отец. — Ему так же не по нраву новая вера. Но нет Эймунда — нет и войны. Умно!

— Олав может сюда прийти и без повода, — пожал я плечами.

Отец улыбнулся, от чего по его лицу побежали морщины.

Он сильно постарел за последние годы. Хотя немудрено, ему шел уже шестой десяток, и многие из тех, с кем он ходил в походы, давно ушли в мир иной. И все чаще причиной смерти был не вражеский клинок, а простая болезнь, с которой не смогли совладать никакие снадобья. Волосы отца, некогда золотистые, стали цвета остывшего пепла, борода и вовсе побелела.

Он всегда говорил, что с удовольствием бы принял смерть с мечом в руке, но силы были уже не те. Ему оставалось только радоваться успехам старшего сына, Аскеля.

— Олаву достаточно сражаться там, где обнажились мечи, — ответил отец, подставив лицо теплему ветру и вздохнув полной грудью. — Зачем без надобности убивать, если ему не перечат?

Ответа не было, и я надеялся, что у конунга тоже такового не найдется. А отец указал на монастырь, чьи стены белели среди буйной зелени Фроссен Йорда.

— Христиане есть и у нас. Их не убивают, хоть и не любят. А Олав хочет править всей страной, и для этого не стоит проливать кровь там, где недовольство не переросло в восстание.

Он, как всегда, был прав, и Хрингарики ничего не угрожало. Но именно в этот момент, беседуя о поступках конунга и безопасности на родной земле, мы увидели на горизонте струйку дыма. Сперва еле заметная и тонкая, она быстро темнела и набирала силу.

— Клянусь глазом Одина! Ярл Гудбранд! — выругался отец, потому что именно над его деревней, Гренндалем, угрожающе поднимались черные клубы.

— Гудрид, — сорвалось с моего языка.

Как и ожидалось, пару лет назад сестру выдали замуж за Магнуса, сына Гудбранда. И она даже успела родить ему первенца, толстенького светловолосого мальчишку, будущего викинга. Гудрид никогда не была мне близка, но все-таки в наших жилах текла одна кровь, и, увидев дым, я в первую очередь подумал о ней.

— Бери лошадь, — велел отец, — скачи в Гренндаль, узнай, что случилось и нужна ли помощь.

Я рванул к конюшне настолько быстро, насколько позволяла увечная нога. Седлать времени не было, и, взобравшись на спину лошади, поддал пятками ей в бока. Животное заржало и понеслось так, словно вслед за мной на круп примостилась сама бело-синяя Хель, повелительница мира мертвых.

Тропа вела к Гренндалю через холм, заросший лесом, но там я бы не заблудился даже ночью и уверенной рукой направлял лошадь в нужную сторону.

Клубы дыма не шли из головы. Они, явно, не сулили ничего хорошего, так как слишком сильны были для случайного пожара. Однажды мне приходилось видеть, как горела кузня. Десятки людей, выстроившись в цепь, передавали друг другу ведра с водой. Пламя было беспощадно, и спасти кузню не удалось, но даже тот, стремящийся в небо, дым не шел в сравнение с густым черным покрывалом Гренндаля. Слово в подтверждение плохих мыслей лошадь, не доскакав совсем немного до долины, давшей имя расположенной в ней деревне, резко остановилась, отчего я едва не упал на землю.

— Что ты творишь?!

На все толчки пятками животное упорно не реагировало, и мне пришлось идти дальше пешком. Лес быстро редел, превращаясь у края в рощицу, окутанную дымом, словно утренним туманом. До слуха дошли гул от огня и плач. Я осторожно прокрался к кустам можжевельника, откуда хорошо просматривалась деревня.

В Гренндале царила смерть.

Огнем были охвачены почти все хижины. Одни только занялись, от других уже остались обугленные стены. Горел даже длинный дом ярла. Но тушить пламя никто не торопился. На взрытой копытами и колесами земле я заметил несколько неподвижных тел. У одного сидела женщина. Она смотрела в затянутое дымом небо и причитала. Руки ее гладили по голове мужчину, на груди которого расплылось пятно крови. Чуть в стороне лежал в неестественной позе мальчишка лет десяти с торчащей из спины стрелой. Он пытался дотянуться до нее, да так и умер, явив собой яркий пример страха и безнадёжности, что царили в долине.

Гренндаль подвергся нападению, но кроме кричащей женщины я не увидел ни одной живой души.

Налет был быстрым, и убийцы убрались так же молниеносно, как и появились. Но куда они ушли? Тропа, по которой я прискакал к деревне, была единственным удобным проходом для конного отряда, но мне не встретился ни один всадник. Река, тихо несущая волны вдоль долины, выглядела девственно чистой. Возможно, нападавшие скрылись в том же направлении, откуда и пришли, и одной уничтоженной деревни им хватило с головой?

Крыша дома ярла с треском обрушилась, и пламя с гулом вырвалось на волю. Сноп искр голодной волчьей стаей устремился ввысь. Я вздрогнул от неожиданности. Надо как можно скорее рассказать отцу о том, что случилось! Кто знает, может, завтра враги будут уже на пороге нашего дома?

Лошадь, испуганная запахом смерти, с радостью помчалась обратно. Я неустанно понукал ее и бил пятками, боясь опоздать.

Родная деревня стояла в тиши, словно не ведая об ужасах за холмом.

— Отец!

Лошадь, подняв тучу пыли, остановилась у входа в дом, и я второпях распахнул дверь, чтобы замереть на месте. Потому что в грудь мне уперся холодный клинок.

Меч держал огромный воин. Руки его украшали серебряные браслеты, могучую грудь прикрывала дорогая кольчуга. При виде моей растерянности он усмехнулся в бороду, заплетенную косицами.

— А вот и твой сопляк, — раздалось за его спиной. — Пропусти его, Эйванн.

Эйванн опустил меч и отошел в сторону.

У очага сидел богато одетый мужчина. Роскошный плащ из меха выдры покрывал его плечи, накинутый летом не иначе, как для самолюбования. В отблесках разведенного огня блестела кольчуга. Множество золотых браслетов на руках и такой же золотой обруч на шее говорили о знатности воина. На коленях его покоился меч, рукоять которого пестрела драгоценными камнями, а ножны разукрасила золотая вышивка.

— Проходи, Кеттиль, — повернулся он ко мне, и я сразу узнал его, хоть и видел впервые. Страшный шрам, едва прикрываемый густой рыжей бородой, изуродовал половину лица воина, отчего от улыбки, которой он одарил меня, повеяло смертельным холодом.

Я так часто слышал о нем в детстве от матери, что называться незнакомцу не было нужды. Ярл Халльвард обещал когда-нибудь вернуться, и сделал это тогда, когда о нем уже позабыли.

Сделав пару шагов, я присел напротив неожиданного гостя.

— Что ты сделал со своим сыном, ярл Сигурд? — воскликнул он, взглянув мне за спину. — Ты подрезал тиборну жилы, чтобы он не сбежал?

Я оглянулся, и сердце защемило, будто сжатое тисками. В углу, охраняемые двумя громилами с обнаженными мечами, лежали отец, мать и мачеха. Руки их были связаны, одежда разорвана. Лицо отца заплыло от побоев, седая борода окрасилась бурым цветом. Не отвечая, он сплюнул на пол кровью.

— Кеттиль Сигурдссон, — протянул ярл Халльвард и окинул меня заинтересованным взглядом. — Ты мог бы быть моим сыном, Кеттиль Сигурдссон.

Я судорожно сглотнул, подыскивая грубый ответ, но получилось простое:

— Лучше мне вообще тогда не родиться.

— И то верно, — засмеялся ярл. — Мне не нужен ущербный сын, с трудом передвигающий ногами.

— А мне не нужен отец, от которого шарахается последняя сучка, — презрительный плевок упал в очаг и зашипел.

Халльвард запрокинул голову и захохотал, а я заметил на его груди маленький христианский крест.

— Может мне изуродовать твоего отца? — успокоившись, произнес он, и в глазах его блеснул зловещий огонек. — Я могу сделать так, что от него даже ты будешь шарахаться, Кеттиль Сигурдссон.

— Христос учит прощать, ярл Халльвард, — указал я на его распятие.

Он удивленно поднял брови и взял крест двумя пальцами.

— Это трофей. Я разорил монастырь в Раумарики и распял местного епископа. А это украшение сорвал с его шеи, перед тем, как вспороть ему брюхо. Он визжал, будто резанный поросенок. Жаль, ты не слышал, Кеттиль. Но у тебя есть шанс, — улыбнулся Халльвард. — У меня нет под рукой какого-нибудь жалкого монаха, но есть твоя мать. Она свято верит, что, умерев, попадет на небеса, а смерть на кресте, по мне, этому только поспособствует. Как думаешь?

Я чувствовал, что разговор плавно подводится к убийствам, но не мог сообразить, как его остановить или перевести на другую тему.

— Думаю, если тебе нужна христианская кровь, то на Фроссен Йорде ее вдосталь, могу показать дорогу.

Ярл Халльвард устало отмахнулся.

— Я считал, Боги, посмеявшись над твоими ногами, добавили чуточку мозгов в твою башку. Но нет, ты туп, как тот нож, которым я зарезал святошу в Раумарики.

Он протянул руки к очагу, словно озяб в этот летний день, и мрачно добавил:

— Мне нужны жизни тех, кто отвернулся от меня, Кеттиль. Жизни твоих родителей.

Я обреченно оглянулся. Мать с трудом сдерживала рыдания, до крови искуса губы. Отец сквозь щели избитых глаз не отрывал от меня взгляда.

— Да и твоя мне тоже пригодится, — сказал Халльвард, и огромные руки Эйванна легли мне на плечи.

Я не сопротивлялся, пока веревки опутывали меня. Да и что я мог поделать с отрядом вооруженных воинов. Нас повели во двор, как овец на бойню. Исрид не удержалась и завывала в голос.

— Заткните стерве рот, — бросил через плечо ярл, и мачеха тут же получила удар в лицо. Ноги ее подкосились, но воины подхватили обессиленную Исрид и волоком потащили вперед.

У вяза, что рос у колодца, все было готово. Четыре петли, перекинутые через высокую ветку, ожидали свои жертвы. Под каждой веревкой стояли стреноженные лошади. Десяток воинов с обнаженными мечами и топорами заполнили двор.

— Посадить их верхом, — велел ярл Халльвард. Приказ был тут же выполнен, и нам на шеи накинули веревки.

Я с тоской взглянул на небо. В облаках пролетали два орла. Свободные птицы, на зависть обреченным людям, легко парили, не обращая внимания на трагедию внизу.

— Сигурд, — обратился Халльвард к отцу, — брат мой. Мы столько с тобой пережили, столько повидали. И ты так со мной поступил.

— Отпусти женщин, — прохрипел отец, — тебе нужен только я.

— Ты не понимаешь, — покачал головой ярл. — Ты мне не нужен. Ни сейчас, ни тогда. Млада. Она во всем виновата. Из-за нее мы рассорились. А расплачиваться приходится всем.

Он взял за уздечку лошадь, на которой сидела мачеха, и медленно потянул. Стреноженное животное неуклюже шагнуло. Исрид всхлипнула и, потеряв опору, повисла на веревке.

— Прекрати, Халльвард! — закричал отец.

Исрид крутилась, хрипя. Ветка над нашими головами прыгала под ее весом. Ноги несчастной женщины дергались в конвульсиях, пока хрип не прекратился, а тело не обмякло.

— Что ты творишь, Халльвард?! — брызгая кровью из разбитых губ, выпалил отец.

— Я? — пожал плечами ярл. — Я лишь отвечаю на обиду, нанесенную когда-то мне.

— Убей меня, Халльвард. Убей, и покончим с этим.

— Конечно, убью. Но сначала избавлюсь от той, что встала между нами.

И, с ненавистью смотря на отца, он потянул уздечку лошади с матерью в седле.

— Нет! — одновременно крикнули мы с отцом.

Но мать уже висела, хрипя и дергая ногами, как только что делала Исрид. Ярл Халльвард смеялся, наблюдая, как она умирала. Нам же оставалось бессильно плакать и ждать своей очереди.

— Не ведаешь ты, что творишь, — шептал отец, — не ведаешь...

Ярл подошел к затихшей матери и повис на ее ногах, проверяя, жива ли она или ушла в мир иной.

— Уйди от нее, сволочь, — выругался я.

Халльвард повернулся ко мне.

— Вот он — плод обиды, — сказал он. — Ты даже не мог родить здорового сына, Сигурд. Глядя на Кеттиля, разрыдаться можно. Думаю, ты должен поблагодарить меня за то, что я сейчас сделаю. — И он позвал к себе лошадь, которая была моей последней опорой в жизни.

* * *

Пытаясь удержаться в седле, я крепче сжал колени. Послушное животное сделало шаг, и веревка натянулась, сдавила горло, выдавливая из глаз слезы.

В голове успело промелькнуть, что, умерев без оружия в руке, я никогда не побываю в Валгалле, как раздался резкий окрик:

— Нет! Остановись, ярл Халльвард!

Ярл замер. Встала и лошадь, давая возможность тверже сесть на спине и передохнуть. Я, как выброшенная на берег рыба, хватал воздух ртом, не веря в спасение.

— Они мои! — прорычал Халльвард, смотря нам за спину.

— Нет! Убей всех, хоть последнюю собаку в деревне, но этого парня заберу я!

К ярлу подошел человек, и я на миг пожалел, что Халльвард не успел увести лошадь. Потому что передо мной стоял священник Зигфрид. Он возмужал, поправился, лицо его лоснилось от хорошей жизни, но это был мой старый знакомый.

— Кеттиль не должен жить! — не унимался ярл. — Пока он дышит, он будет мстить!

— Из застенков монастыря, куда я его отвезу, никто никогда не выбирался, — мрачно улыбнулся Зигфрид, — так что, считай, он уже мертв.

Халльвард со злостью плюнул на землю, кинул поводья священнику.

— Забирай, епископ, — он повернулся к лошади отца и с силой ударил ее по спине. Та сорвалась с места, и отец завертелся в воздухе, брызгая кровью в стороны.

— Снять его, — велел воинам Зигфрид, не дожидаясь окончания казни.

Меня быстро скинули с седла, сняли веревку с шеи, и я сквозь слезы смотрел, как хрипел посиневший отец.

Затем, вслед за Гренндалем сгорела и моя родная деревня. Первым подожгли дерево с висящими телами. Вяз долго не хотел заниматься, но огонь взял свое, и мертвые родители и мачеха, вспыхнув, превратились в огромные факелы.

В живых, как и сказал Зигфрид, не оставили никого. Убили всех: женщин, детей, больных стариков. Сопротивления оказано не было, почти все мужчины ушли в набег с Эймундом и Аскемем, остальных прирезали, словно овец в загоне. Крики и проклятия долго оглашали воздух, а епископ стоял надо мной и улыбался, что-то твердя про истинную веру и искоренение язвы.

Нетронутой осталась только хижина Кнута Безногого. Халльвард остерегся убивать ведуна, а Зигфрид, заполучив меня, потерял интерес к происходящему в деревне.

К вечеру, когда все было кончено, меня кинули на дно лодки.

— Мне надо прогуляться с Кеттилем на остров, в монастырь, — ответил Зигфрид на вопрос Халльварда, куда он собирается.

— Как пожелаешь, — пожал плечами ярл, — ты знаешь, где нас найти.

У берега стояли два драккара, носы их украшали головы драконов — знак того, что корабли вошли во враждебные воды. Вот как они пришли в Гренндаль, догадался я, и вот почему я не встретил их по пути обратно. Драккары шли значительно быстрее, чем скакала в лесу лошадь.

— Да, — сказал Зигфрид. — Дорогу до Вестфольда я найду.

В лодку сели еще шесть монахов и взялись за весла. Корабли отдались на волю волнам, пошли вдоль берега, а мы поплыли в сторону Фроссен Йорда.

Зигфрид присел около меня и даже не пытался скрыть на лице радость.

— Знаешь, зачем мне монастырь на острове? — спросил он.

— Хочешь утопить еще одну книжку, — огрызнулся я, шевеля руками, затекшими в крепких узлах веревок.

Епископ обиженно нахмурился, отчего нос вытянулся еще больше, став таким же длинным, как и христианские проповеди.

— Я обращаю тебя, Кеттиль. Не получилось однажды, получится сейчас.

— Мне не нужен Бог, который позволил прибить себя к кресту.

— Он нужен твоему королю, а, значит, и тебе.

— Королю?

— Да, Олаву, — пояснил Зигфрид. — Ты знаешь, что это я его крестил? — святейшее лицо засветилось от счастья, и мне с трудом удалось подавить желание наградить его плевком.

— Мне все равно.

Епископ засмеялся.

— Неужели, ты думаешь, что, совладав с королем, я не сломя твое жалкое сопротивление, Кеттиль?

Я исподлобья посмотрел на святошу и проговорил:

— Ты никогда этого не сделаешь.

И резко толкнул его плечом, отчего лодка накренилась, и мы оба упали в воду. Зигфрид заорал, забарахтался, путаясь в длинной рясе, а я, набрав в легкие воздуха, поднырнул под лодку и поплыл в сторону лежащего совсем рядом острова. Монахи испуганно засуетились, пытаясь вытащить епископа из воды, а быстро наступающая темнота скрывала меня, когда я выныривал, чтобы вздохнуть.

Я благоразумно решил, что меньше всего будут искать там, куда меня и везли. На Фроссен Йорде, рядом с монастырем. Туда я и поплыл, тем более что со связанными руками добраться до деревни было довольно сложно. Когда я выбрался на берег, остров окутала ночь. Монахи в лодке не утруждали себя поисками и уплыли вниз по течению, видимо, рассчитывая вернуться с рассветом в компании головорезов Халльварда. Что ж, хотя бы какое-то время я проведу в спокойствии и смогу решить, что делать дальше.

А пока нужно было избавиться от пут. Чем я и занялся. У самой кромки воды лежал огромный валун. Волны сгладили камень со своей стороны так, что на нем не усидела бы и птица. Зато нетронутый рекой край порадовал меня шершавой поверхностью и резкими выступами. Об один из них я и принялся с остервенением перетирать веревку. Та долго не поддавалась, я содрал кожу в кровь, а лопнуло всего несколько волокон. Но упорство, по словам несчастной матери, моя отличительная черта, и я ни на мгновение не останавливался, пока веревка не лопнула.

Раны саднили, кровь капала на песок, и, чтобы унять боль, я вошел в прохладные воды Рёумы. И в этот момент услышал за спиной звук хрустнувшей ветки и шелест листьев. Резко обернулся. На берегу стоял молодой монах с пустым ведром в руках. Он испуганно уставился на меня.

— Господи Иисусе!

Ведро грохнулось на камни, и монах припустил обратно под защиту деревьев.

Зигфрид рано или поздно появится на острове. Люди Халльварда исследуют его вдоль и поперек. Но мне нельзя самому дать им знать, где я нахожусь, поэтому монаха нужно было остановить.

Я выскочил на берег, поднял первый попавшийся под руку голыш и кинулся за беглецом. На свою беду тот запутался в длинной рясе, споткнулся и, охнув, упал на колени. Не успел он подняться, как я уже был подле него и пинком опрокинул святошу на спину.

— Матерь Божья! — сорвалось с губ монаха, когда камень поднялся над его головой.

Я крепко схватил юношу за куцую бороденку, чтобы он не пытался вырваться, и, извергая проклятия, занес руку для удара.

— Отец наш, да святится имя Твое, — монах сжался в комок, зажмурился, и еле слышно прошептал молитву. От страха он, видимо, позабыл латынь, и повторял ее на родном, северном наречии, — да придет царствие Твое, да будет воля Твоя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.